

УДК 340.122

КОНВЕРГЕНЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ, РЕПРОДУКЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО: ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА

Олег Ю. Рыбаков^{1, @1}, Софья В. Тихонова^{2, @2}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции, Россия, 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, кор. 1

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Россия, 410026, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

@1 ryb.oleg13@yandex.ru

@2 segedasy@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.05.2017.

Принята к печати 22.06.2017.

Ключевые слова: философия права, конвергентные технологии, трансгуманизм, естественное право, право на счастье, право на репродукцию, вспомогательные репродуктивные технологии.

Аннотация: Статья посвящена анализу трансгуманистической перспективы развития философии права. Отталкиваясь от избранной современными трансгуманистами стратегии обоснования морфологической свободы как концепции, раскрывающей естественное право на счастье, авторы исследуют логику развития конвергентных биотехнологий. Расширение естественного права охарактеризовано как диалектическая стратегия допущений и тактика локальных запретов в сфере человеческой репродукции, характерная для биомедицинских технологий в целом. Разрешая те технологии, которые поддерживают характерные для данного общества формы репродуктивных отношений и, блокируя поддерживающие отношения, считающиеся аморальными в данную эпоху в данной стране, законодатель постепенно расширяет представления о том, как технологии должны применяться для обеспечения естественных прав человека. Конвергенция технологий делает реальной гипотетическую конструкцию права на репродукцию, тогда как коллизия норм морали и императивов технологического развития может быть разрешена с позиций примата естественного права.

Для цитирования: Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Конвергенция технологий, репродукция человека и естественное право: философия трансгуманизма // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 100 – 105. DOI: 10.21603/2542-1840-2017-2-100-105.

Вопрос влияния технологического развития на социальную динамику был поставлен в проблемном поле философии XX века. Представители технологического детерминизма неоднократно обращались к тематике взаимовлияния технического и социального прогресса. Ее «новая волна» связана с возникновением так называемых конвергентных технологий (от англ. converging – «сходящиеся», «совокупность взаимовлияющих, взаимосвязанных и взаимопроникающих технологий»), претендующих на статус инструмента управления человеческой эволюцией. Конвергенция технологий, преодолевающая дисциплинарные барьеры и обеспечивающая эффект синергии, стала значимым трендом в социальном развитии к рубежу тысячелетий, объединяя в единое целое нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии.

Термин «NBIC-конвергенция» был введен в научный оборот в 2002 г. М. Роко и У. Бейнбриджем в отчете «Конвергирующие технологии для улучшения природы человека», подготовленном во Всемирном центре оценки технологий (WTEC). Он отразил систематизацию специфики современного технологического развития, а также обозначил характерную для последнего широту и интенсивность взаимодействия технологии и науки (от уровня атома до разумных систем), способных обеспечить бурный рост возможностей человеческого развития [1, с. 11]. Техника перестает быть буферной зоной между человеком и Природой, она проникает в человеческое

тело, становится неотъемлемым элементом познания, движения и социальных связей.

Иначе говоря, NBIC-конвергенция закономерно включает в себя трансгуманистические последствия для человеческого общества. Уже сегодня человечеству доступно самоизменение с помощью генной инженерии, дополненное и усиленное технологиями искусственного интеллекта, умными материалами, нанoeлектроникой, киборгическими актуаторами. NBIC-технологии способны стать строительным материалом нового общества и нового человечества.

Как сделать это новое будущее справедливым и гуманным? Единственным успешным (хотя и не лишенным слабых мест) способом, известным человечеству, является доктрина естественного права.

Естественное право как ее ключевая категория выводится из природы человека и в этом качестве не зависит от конкретных социально-исторических реалий или государственного санкционирования. Поскольку природа человека атрибутивно описывается как разумная, ее понимание зависит от подходов к определению разума и сфер его реализации. Так как логика развития капитализма двигалась от рационализации религиозной жизни к рационализации отношений государства и граждан, историческая изменчивость представлений о естественных правах нашла свое отражение сначала в учении Рудольфа Штамллера, его тезисе о связи социальной ди-

намики и требований реформ права, а затем в концепции «поколений прав человека», отражающей историческое усложнение содержания естественного права, его расширения по мере социального прогресса [2; 3]. Для современного юснатурализма характерно понимание связи между сменой исторических условий и появлением новых правовых идей.

Чем сложнее, богаче и разнообразнее социальная жизнь, тем шире новые возможности, новые аспекты человеческой свободы, а, значит, есть предпосылки для появления новых моделей прав человека. Полемика о возникновении прав четвертого поколения, связанная с усилением международных и глобализационных процессов в развитии правовых систем, в XXI в. смещается в сферу технологической конвергенции.

Внедрение в практику биотехнологий, лавинообразное распространение интернет-коммуникации не просто влияет на общественные отношения, оно приводит к появлению новых их форм и отражающих их новых теоретических взглядов. Современная правовая доктрина обладает широкой сетью обратной связи с научными и философскими теориями, что делает комплексной реакцией на вызовы социального развития.

Одним из продуктов такой реакции является философия трансгуманизма, выдвигающая инновационную концепцию философии естественного права в русле переосмысления человеческой природы как самосовершенствующегося проекта. В этом контексте созданный юснатурализмом «пакет» свобод человека дополняется еще одной свободой, а именно – морфологической. А. Сандберг возвел морфологическую свободу к праву на жизнь и праву на поиск счастья. Эта свобода определяется как право каждого дееспособного индивида изменять свое тело на основе личных желаний и потребностей, с правовой точки зрения означающее расширение права человека на собственное тело, переход от владения им к его изменению по собственному желанию [4]. Трансгуманистическая адаптация философии естественного права к новым технологическим условиям тесно связана с полемикой по этическим и правовым аспектам применения биотехнологий, довольно радикальной для ортодоксальных версий юснатурализма, сохраняющих преемственность по отношению к общехристианской традиции.

В отличие от американской, в отечественной традиции конструкция «право на счастье» как базовая среди естественных права юридического развития не получила, однако имплицитно ее смысл содержится в российском юснатурализме, трактующем естественное право как вытекающее из «естества» человека как духовно-нравственного существа. Глубинная природа человека нерасторжима с биологическими основаниями его бытия, поэтому фронтиром применимости технологий к человеку были и остаются его жизнь и смерть.

Трансгуманизм, ориентированный на сверхпродление человеческой жизни, ничего нового о проблемах смерти не сказал. Однако его представители концентрируют свое внимание на репродуктивных функциях человека, его воспроизводстве. Генная инженерия может стать не только способом асексуальной репродукции, но обеспечить так называемый «дизайн детей», проектирование с помощью генно-инженерных средств не только

тех или иных аспектов их здоровья, но и определенные способности и возможности.

Современные трансгуманисты, такие как Ник Бостром, Андерс Сандберг, Джулиан Савулеску, представляют академическую философию и работают в парадигме примата естественного права. Реальная логика развития последнего может быть охарактеризована как стратегия расширения и тактика локальных запретов в сфере человеческой репродукции, характерная для биомедицинских технологий в целом: разрешаются те технологии, которые поддерживают характерные для данного общества формы репродуктивных отношений и блокируются поддерживающие формы, рассматриваемые как аморальные в данную эпоху в данной стране. При этом глобальный характер современного мира означает, что национальный репродуктивный запрет порождает потоки «медицинского» туризма в страны разрешения и в большей мере влияет на конфигурацию миграционных потоков, прежде чем удерживает субъектов от контактов с технологиями.

Особенно наглядна стратегия расширения и тактика локальных запретов на примере эволюции концепции репродуктивного здоровья. В соответствии с ней здоровье в репродуктивной сфере складывается из следующих компонентов: возможности иметь безопасную доставляющую удовлетворение половую жизнь; возможности воспроизводить себя; возможности свободно принятия решений о способах и частоте использования первых двух возможностей [5, с. 45]. Иначе говоря, концепция репродуктивного здоровья фиксирует свободу человека в продолжении своего рода.

Эта свобода имеет биологические, социальные и юридические аспекты. Биологические аспекты связаны не только с физиологическим репродуктивным статусом индивида, но и с инстинктивными стратегиями выбора партнеров и заботой о потомстве, формирующими эмоциональный фундамент репродукции. Социальные аспекты связаны с модификацией биологических программ в конкретных условиях жизнедеятельности сообщества, детерминируются культурными традициями и нормами. Юридические аспекты связывают культурные нормы и экономическую специфику в санкционированных моделях отношений.

Воспроизведение себя в юридической плоскости означает возникновение родительских прав на основе биологической (кровной) связи родителей и их ребенка. Применение этой конструкции возможно и в случае альтернативного, «социального» основания приобретения родительских прав, основанного на сознательном решении растить некровного ребенка. В каждом известном обществе фиксируются юридически значимые процедуры усыновления (удочерения), порождающие те же права и обязанности, которые устанавливаются между родителями и детьми на основе биологической связи. Полноценная забота о детях всегда предполагает особые личные неимущественные отношения, опирающиеся на материнский (отцовский) инстинкт, детерминирующий альтруизм родителей по отношению к детям. Этот инстинкт, конечно, может давать сбой и «не проснуться» своевременно, тем не менее его проявление закономерно. Способность людей «перенаправлять» родительский инстинкт на некровных детей очевидна, а кровная связь

родителей и детей как биологическая основа родительского всегда получала особую правовую охрану. Сохраняется эта тенденция и в современном обществе.

Так, семья определяется как естественная и основная ячейка общества в ст. 16 Всеобщей декларации прав человека; материнство и младенчество – как основание права на особое попечение и помощь в ст. 25 Декларации. В Конституции РФ забота о детях, их воспитание, родительские права определены как право и одновременно обязанность родителей (ч. 2 ст. 38).

Соответственно, биологическая детерминация участия в процессе репродукции имеет легальное закрепление со времен глубокой древности, отражаясь в и политико-правовых учениях как идея о том, что продолжение рода предписано естественным законом и божественной волей («плодитесь и размножайтесь»). Пожалуй, только право на жизнь вытекает из природы человека с не меньшей самоочевидностью, чем право на самовоспроизводство, биологический источник которого в особых комментариях не нуждается.

Однако в отличие от остальных естественных прав, естественная форма репродукции не может быть реализована единолично, поэтому ее доктринальные модели всегда носили не прямой, опосредованный характер, а легальное закрепление права на нее возможно только в обществах, медицина которых способна расширить природные возможности человека по ее реализации. Речь идет о преодолении следующих ограничений.

Во-первых, ограничения наличного репродуктивного здоровья родителей. Результативность участия в репродукции определена физиологическим благополучием партнеров, которое вне развитой медицинской помощи не зависит от их действий. Иначе говоря, законы физиологии выходят за рамки возможностей правового регулирования.

Во-вторых, естественная репродукция укоренена в личных неимущественных отношениях мужчины и женщины. Попытка легального закрепления права на репродукцию потребует введения корреспондирующей обязанности по принудительному участию в зачатии ребенка или принудительную беременность, радикально несовместимых со свободой личности. Поскольку права лица или группы лиц могут быть ограничены только тогда, когда их реализация ограничивает аналогичные или сопоставимые права других лиц, легальное закрепление права на естественную репродукцию невозможно.

В-третьих, формальное равноправие мужчин и женщин не отменяет асимметричности их физиологического вклада в репродукцию. Эта асимметричность сглаживается развитием правового института семьи и правовой политики по защите материнства, отцовства и детства, уравнивающей возможности мужчин и женщин как участвовать в воспитании детей, так и реализовывать себя в других областях социальной жизни. Важно отметить, что сегодня современный принцип равноправия мужчин и женщин при реализации репродуктивных прав раскрывается в таких категориях, как свобода репродуктивного выбора и равный доступ к информации о состоянии своего репродуктивного здоровья, о методах планирования семьи.

Таким образом, ослабление волевого момента, фактический характер личных неимущественных отношений, физиологическая асимметрия репродуктивных ро-

лей превращает право на естественную репродукцию в крайне абстрактную правовую идею.

Поэтому правовые основания участия индивида в репродуктивном процессе возводятся не к самостоятельному праву на продолжение рода, а рассматриваются как вытекающие из права на свободу и личную неприкосновенность (физическая неприкосновенность) и конструируются как негативные, сводясь к запрету репродуктивного насилия (принуждение к зачатию, вынашиванию или прерыванию беременности, родам или стерилизации), ограничивающего личную свободу и зачастую предполагающего насильственное медицинское вмешательство.

Все изложенные аргументы формировались до массового распространения биомедицинских технологий, разрешая коллизии естественной репродукции. Однако бурное развитие медицины небывало расширило репродуктивные возможности человека, сделало планирование семьи эффективным и безопасным за счет новых достижений в лечении бесплодия и снижения рисков контрацепции и прерывания беременности. Указанное расширение отнюдь не происходило автоматически, внедрение и распространение медицинских вмешательств в репродукцию было неразрывно связано с активной борьбой за права женщин. Одним из ее доктринальных результатов стало появление во второй половине XX в. в идеи нового естественного права – «права на репродукцию» в резолюциях международных организаций. Рассмотрим основные этапы его формирования.

Отправным пунктом стала концепция права на репродуктивный выбор, сформулированная на Международной конференции по правам человека (1968 г., Тегеран). Ст. 16 Воззвания Тегеранской конференции декларирует неотъемлемое право родителей свободно и с чувством ответственности определять число своих детей и сроки их рождения [6].

Далее, репродуктивные права интерпретируются как важнейший механизм обеспечения гендерного равноправия: Третья всемирная конференция по положению женщин «Всемирная конференция для обзора и оценки достижений Десятилетия женщины ООН: равенство, развитие и мир» (1985 г., Найроби) провозгласила репродуктивные права важнейшим условием завоевания женщинами равноправного статуса в обществе. Итоговый документ Каирской конференции по народонаселению и развитию (1994 г., Каир) трактует репродуктивное здоровье и права как «краеугольный камень расширения прав и возможностей женщин». Принцип 8 принятой на Каирской конференции «Программы действий» гласит: «государствам следует принимать все соответствующие меры для обеспечения на основе равноправия мужчин и женщин всеобщего доступа к медицинскому обслуживанию, в том числе к услугам по охране репродуктивного здоровья, которые включают услуги, связанные с планированием семьи и сексуальным здоровьем. В рамках программ в области охраны репродуктивного здоровья должен обеспечиваться самый широкий спектр услуг без принуждения в любой форме. Все супружеские пары и отдельные лица имеют основное право свободно и ответственно решать вопрос о числе своих детей и продолжительности периода между их рождением и на получение необходи-

мых для этого информации, образования и средств» [7]. В соответствии с Пекинской декларацией, принятой на четвертой Всемирной конференции по положению женщин (1995 г., Пекин), «четкое признание и подтверждение права всех женщин на контроль за всеми аспектами своего здоровья, в частности их собственной фертильностью, имеют основополагающее значение для расширения их возможностей» (ст. 17).

Итак, за три десятилетия в сферу права вводится представление о том, что медицина должна быть основой свободы в сфере репродукции, активно меняя ее естественный характер. Человек может по своему желанию выходить за рамки рассмотренных выше ограничений естественной репродукции.

Параллельно пришедший в научный оборот из международного права термин «право на репродукцию» подкреплялся успехами в развитии технологии экстракорпорального оплодотворения, впервые примененной в 1977 г. Довольно долго он отождествлялся с правом женщины на материнство, описывая искусственное имплантирование эмбриона. К концу XX в. этот термин часто применяется в научной литературе, посвященной тематике правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), направленных на достижение беременности пациенткой (внутриматочная инсеминация, экстракорпоральное оплодотворение, внутривагинальная инъекция сперматозоида в яйцеклетку, культивирование эмбрионов, криоконсервация ооцитов, сперматозоидов, эмбрионов и т. д., а также донорство сперматозоидов и яйцеклеток, суррогатное материнство). Характерной особенностью ВРТ является реализация отдельных этапов зачатия или всего процесса в целом вне организма матери.

Появление ВРТ стимулировало полемику относительно естественно-правового статуса права на репродукцию. Так, по мнению Т. А. Шумиловой, право на репродукцию существует именно в качестве естественного права, пока еще не получившего легальной дефиниции и закрепления; ему только предстоит войти в Конституцию РФ, которую необходимо дополнить нормой о праве каждого человека на репродукцию в соответствии с законодательством РФ [8]. Важно отметить, что ВРТ распространялись как инновационные методы лечения бесплодия. По данной причине более жизнеспособной оказалась модель репродуктивных прав, согласно которой успешность репродукции является результатом реализации целого комплекса прав личности, начиная от права на жизнь и заканчивая правом на медицинскую помощь. Как показывает О. Б. Кожеурова, ядром репродуктивных прав выступает право на физическую неприкосновенность, по которому запрещается «насильственное лишение сексуальных и репродуктивных качеств посредством принудительного брака, хирургических вмешательств, небезопасных методов контрацепции, принудительной беременности и др.» [9, с. 87]. Комплексная модель репродуктивных прав продолжает традицию опосредованного регулирования процесса репродукции разрозненными нормами, относящимися к различным отраслям права (конституционному, семейному, формирующемуся медицинскому праву) и постепенно складывающимися в единый межотраслевой институт. Центральные специализиро-

ванные нормы последнего посвящены правовому регулированию применения вспомогательных репродуктивных технологий (ст. 55 Федерального Закона «Об основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ), искусственного прерывания беременности (ст. 56 указанного Закона), медицинскую стерилизацию (ст. 57 указанного Закона).

До настоящего времени правовые нормы, конкретизирующие различные репродуктивные права, отличаются противоречивостью и пробельностью, во многом – благодаря конфликту принципа государственного невмешательства в личную жизнь граждан и гендерно ассиметричной государственной правовой политики по поддержке семьи [10]. В частности, ст. 55 Закона указывает в качестве стороны договора суррогатного материнства потенциальных родителей либо одинокую женщину, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям, что исключает участие в таком договоре одинокого мужчины. Понятие «одиночества» и его степень в Законе не раскрывается.

В целом противники суррогатного материнства разобщение зачатия, т. е. включение в процесс действий медицинского персонала и увеличение числа родителей с двух до пяти (доноры яйцеклетки и сперматозоида, суррогатная мать, супруги-заказчики, которые намерены стать социальными родителями) интерпретируют как нарушение права ребенка на естественное развитие, разрушение родственных связей и деперсонализацию брачных отношений. Тем не менее разобщение зачатия не является чем-то принципиальным для человеческого общества. Немецкий социолог М. Кеттнер показывает развитие форм расколотого родительства в дотехнологических обществах, от усыновления до несовпадения биологического и социального родительства [цит. по: 11]. Быстрая, по историческим меркам, рутинизация суррогатного материнства, подтверждает данную концепцию: новые возможности биомедицины постепенно смягчают моральные нормы, смягчение моральных норм отражается на либерализации законодательства.

В эти же рамки опыта укладывается и проблема асексуальной репродукции и гомосексуальности: при любых моральных оценках этих практик необходимо учитывать, что на планете были и будут общества, допускающие и поддерживающие их. Реальной новизной обладает проблема дизайна детей. Если оставить за скобками печальный опыт нацистской евгеники, центром проблемы окажется слабая компетентность родителей в сфере принимаемых им решений. Пока речь идет о биологическом поле ребенка и расовых характеристиках (цвете кожи или глаз), последствия решений предсказуемы. Иначе обстоит дело с донатальной специализацией, закладывающей карьеру спортсмена, певца и т. д.

Современное общество вплотную подошло к тому порогу, за которым концепция естественного права на репродукцию становится реальной, включая в себя как естественные так и технологически опосредованные формы реализации (естественная репродукция, репродукция с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, суррогатное материнство, донорство генетического материала, посмертная репродукция). Трансгуманистическая перспектива включает в себя

асексуальную искусственную репродукцию, переводящей воспроизводство человека в режим лабораторной практики без личных контактов владельцев генетического материала. Однако сама по себе она автоматически не означает апофеоза дегуманизации. Любая технология может служить морально полярным целям, выбор всегда остается за человеком. Сможет ли он вписать трансгуманистическую перспективу в проект реализации права на счастья – вопрос открытый. Консерватизм современной репродуктивной политики позитивен только до тех пор, пока он обеспечивает дополнительное время на

принятие осознанных решений в сфере трансгуманистических исканий. Но превращение его в самоцель недопустимо, поскольку чревато социальным застоєм и несчастьем отдельных людей. Законодатель сегодня оказывается между наукой и моралью, словно между Сциллой и Харибдой. Отрыв от господствующей морали делает нормы права неэффективными. Отрыв от науки ограничит человеческие возможности. Поиск золотой середины должен опираться на гуманизм и примат ценности человека перед любыми политическими целями.

Литература

1. Родзин С. И., Титаренко И. Н. Конвергенция нано-, био-, инфо-, когнитивных технологий и электронная культура // Открытое образование. 2014. № 3(104). С. 10 – 17.
2. Варламова Н. В. Третье поколение прав человека? // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 9 – 18.
3. Золотухин В. С. К вопросу о концепции «третьего поколения прав человека» или «прав солидарности» // Советский ежегодник международного права, 1989 – 90 – 91. М.: Наука, 1992. С. 181 – 185.
4. Sandberg A. Morphological Freedom – Why We not just Want it, but *Need* it // TransVision Conference. Berlin, June, 22 – 24, 2001. Режим доступа: <http://www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm>
5. Народонаселение мира в 2004 году. Десять лет Каирскому консенсусу: народонаселение, репродуктивное здоровье и глобальные усилия по искоренению нищеты. Нью-Йорк: Фонд Организации объединенных наций в области народонаселения, 2004. 140 с. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2004.pdf>
6. Воззвание Тегеранской конференции (Принято в г. Тегеране 13.05.1968 Международной конференцией по правам человека). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15153> (дата обращения: 20.10.2013).
7. Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 1994. Режим доступа: http://www.r-komitet.ru/s_i_d/kair1.htm (дата обращения: 20.10.2013).
8. Шумилова Т. А. Конституционно-правовое регулирование равенства родительских прав и обязанностей в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 25 с.
9. Кожеурова О. Б. Репродуктивные права человека в современной России // Альманах современной науки и образования. 2009. № 1-1(20). С. 86 – 87.
10. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Доктрина естественного права и философия трансгуманизма: возможность коммуникации // Lex Russica. 2014. Т. ХСVI. № 2. С. 143 – 152.
11. Сидорова Т. А. Концепция репрогенетического расколотого родительства М. Кетнера // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Биология, клиническая медицина. 2007. Т. 5. Вып. 7. С. 94 – 97.

THE CONVERGENCE OF TECHNOLOGIES, HUMAN REPRODUCTION AND NATURAL LAW: THE PHILOSOPHY OF TRANSHUMANISM

Oleg Yu. Rybakov^{1, @1}, Sofya V. Tikhonova^{2, @2}

¹ All-Russian State University of Justice, hous. 1, 2, Azovskaya St., Moscow, Russia, 117638

² Saratov State University, 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410026

@1 ryb.oleg13@yandex.ru

@2 segedasv@yandex.ru

Received 03.05.2017.

Accepted 22.06.2017.

Keywords: philosophy of law, converging technologies, transhumanism, natural law, the right to happiness, the right to reproduction, assisted reproductive technology.

Abstract: The article deals with analysis of transhumanist prospects for the philosophy of law. Modern transhumanists consider morphological freedom as a concept, revealing the natural right to happiness. The authors take this idea as a starting point and consider the logic of the convergent biotechnology development. They believe that the extension of natural law has the character of a dialectical strategy of assumptions and tactics of the local bans in the sphere of human reproduction. This situation is typical of biomedical technology in general. The legislator authorizes a technology by endorsing forms of reproductive relationships and blocking technologies that support immoral forms. As a result, it gradually enhances understanding of how technology must be applied to ensure the human natural rights. Convergence of technologies makes real a hypothetical design of rights to reproduction, while the conflict of morality and the imperatives of technological development can be resolved from the standpoint of the primacy of natural law.

For citation: Rybakov O. Yu., Tikhonova S. V. Konvergentsiia tekhnologii, reproduksiia cheloveka i estestvennoe pravo: filosofiia transgumanizma [The Convergence of Technologies, Human Reproduction and Natural Law: the Philosophy of Transhumanism]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 2 (2017): 100 – 105. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2017-2-100-105.

References

1. Rodzin S. I., Titarenko I. N. Konvergentsiia nano-, bio-, info-, kognitivnykh tekhnologii i elektronnaia kul'tura [Convergence of Nano-, Bio-, Info-, Cognitive Technologies and E-Culture]. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*, no. 3(104) (2014): 10 – 17.
2. Varlamova N. V. Tret'e pokolenie prav cheloveka? [The third generation of human rights?]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*, no. 2 (2011): 9 – 18.
3. Zolotukhin V. S. K voprosu o kontseptsii «tret'ego pokoleniia prav cheloveka» ili «prav solidarnosti» [On the concept of the "third generation of human rights" or "rights of solidarity"]. *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1989 – 90 – 91* [Soviet Yearbook of International Law, 1989 – 90 – 91]. Moscow: Nauka, 1992, 181 – 185.
4. Sandberg A. Morphological Freedom – Why We not just Want it, but Need it. *TransVision Conference*. Berlin, June, 22 – 24, 2001. Available at: <http://www.aleph.se/Nada/Texts/MorphologicalFreedom.htm>
5. *Narodonaselenie mira v 2004 godu. Desiat' let Kairskommu konsensusu: narodonaselenie, reproduktivnoe zdorov'e i global'nye usilia po iskoreneniiu nishchety* [Population of the world in 2004. Ten years of the Cairo Consensus: population, reproductive health and global efforts to eradicate poverty]. New York: Fond Organizatsii ob"edinennykh natsii v oblasti narodonaseleniia, 2004, 140. Available at: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/population2004.pdf>
6. *Vozzvanie Tegeranskoi konferentsii (Priniato v g. Tegerane 13.05.1968 Mezhdunarodnoi konferentsiei po pravam cheloveka)* [Proclamation of the Tehran Conference (Adopted in Tehran on May 13, 1968 by the International Conference on Human Rights)]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=15153> (accessed 20.10.2013).
7. *Programma deistvii Mezhdunarodnoi konferentsii po narodonaseleniiu i razvitiuu* [Program of Action of the International Conference on Population and Development]. Cairo, 1994. Available at: http://www.r-komit.ru/s_i_d/kair1.htm (accessed 20.10.2013).
8. Shumilova T. A. *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ravenstva roditel'skikh prav i obiazannostei v Rossiiskoi Federatsii*. Aytoref. diss. kand. iurid. nauk [Constitutional and legal regulation of equality of parental rights and duties in the Russian Federation. Cand. legal Sci. Diss. Abstr.]. Saratov, 2003, 25.
9. Kozheurova O. B. Reproaktivnye prava cheloveka v sovremennoi Rossii [Reproductive human rights in modern Russia]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia = Almanac of Modern Science and Education*, no. 1-1(20) (2009): 86 – 87.
10. Rybakov O. Yu., Tikhonova S. V. Doktrina estestvennogo prava i filosofiia transgumanizma: vozmozhnost' kommunikatsii [The doctrine of natural law and the philosophy of transhumanism: the possibility of communication]. *Lex Russica*, XCVI, no. 2 (2014): 143 – 152.
11. Sidorova T. A. Kontseptsiiia reprogneticheskogo raskolotogo roditel'stva M. Kettnera [The concept of M. Kettner's reprognetic split parenting]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Biologiia, klinicheskaiia meditsina = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Biology, Clinical Medicine*, 5, no. 7 (2007): 94 – 97.